

А.Ю. Антоновский

Общество как теоретический объект. Эмерджентизм социальной теории vs. редукционизм естественных наук

Статья посвящена различию в теоретическом и дисциплинарном статусе социально-гуманитарных и естественных наук. Ставится вопрос о том, что определяет фундаментальную различность эти дисциплин; может ли общество как референт социальной теории фактически наблюдаться как некоторый единый пространственно-временной объект, примерно так же, как наблюдаются объекты естествознания, или оно является референтом теоретического термина, не подразумевающего непосредственного наблюдения? Делается вывод, что *общество* является конструируемым понятием, получающим свой смысл лишь в рамках теоретической модели эмерджентизма. Сравняется редукционистский характер естествознания и эмерджентистский характер социальной теории.

Ключевые слова: эмерджентизм, редукционизм, социальная теория, научная теория

Разность дисциплинарного статуса гуманитарных и естественных наук очевидна. Но что определяет фундаментальную различность? Может ли общество как референт социальной теории фактически наблюдаться как некоторый единый пространственно-временной объект, примерно так же, как наблюдаются объекты естествознания, или оно является референтом теоретического термина, не подразумевающего непосредственного наблюдения? Или оно является конструируемым понятием (с референтами наподобие кварков или электронов в физике), получающим свой смысл лишь в рамках теоретических моделей, коррелят которых бесполезно искать в соразмерной человеческим чувствам реальности?

Принято считать, что структура естествознания предполагает методологический редукционизм. В самых общих чертах последний утверждает, что внутренняя структура того или иного объекта или явления, описываемая теоретически, конституирует и дает *причинное* объяснение наблюдаемым макрофеноменам, определяет макро-характеристики этих объектов. В социальной теории дело представляется несколько иным. Социальные теории склонны связывать с базисным (причинным и объяснительным) уровнем утверждений некоторые макроструктуры (социальные системы политики, экономики, религии), которые иногда «невидимой рукой», а иногда вполне явным образом определяют конкретные действия индивидов на так называемом микросоциологическом уровне анализа.

Такое отношение между «высокими теориями» социального порядка и эмпирическим уровнем конкретных и доступных наблюдению действий, т. е. некоторой «редукции наоборот», принято называть эмерджентизмом¹. Его суть в том, что постулируются некоторое множество латентных причин (невидимая рука рынка (А.Смит), производственные отношения (К.Маркс), общественный договор (Т.Гоббс), символические медиа-коммуникации (Н.Луман, Ю.Хабермас и т. д.), социализация и институционализация (Т.Парсонс), которые не могут быть объяснены редукционистски (кто и когда заключал *общественный договор?*), однако сами вполне могут служить в качестве объяснения или фигурировать в качестве причины в отношении наблюдаемых явлений – обычных действий людей.

Как связано наблюдаемое и ненаблюдаемое в естественных науках – формально или каузально?

Сначала мы выделим несколько важных соображений, к которым пришли философы науки, описывая функционирование теоретического знания в естественнонаучной теории. Затем мы попробуем узнать, обстоит ли дело схожим образом и в социально-гуманитарном теоретизировании.

Традиционный взгляд на теорию и подтверждающие ее наблюдения выглядел так. Теории предстают как множества общепризнанных высказываний, которые затем за счет подстановки

некоторых частных констант и переменных частного характера получают выражение в более конкретных манифестациях: законах, столь же общеутвердительных высказываниях, но с более узкой предметной областью или «универсумом рассуждений».

При этом отношение между теоретическим и эмпирическим описаниями различными философами науки интерпретировались по-разному. П.Дюгем назвал это отношение *репрезентативным*². В том смысле, что теория (например, молекулярно-кинетическая теория газов) *лишь представляет* (но не объясняет!) экспериментально найденные зависимости или законы (скажем, экспериментально обнаруженные корреляции между давлением, температурой, объемом). Дюгем, как известно, оспаривал позицию Кельвина о том, что *понимание* макропроцесса есть *визуализация* глубинных механизмов. Такой визуализацией собственно и должна была служить молекулярно-кинетическая теория с ее моделью упругих столкновений точечных масс. Но эта теория действительно не могла объяснить, что ощущение теплого является результатом упругих столкновений молекул о стенки. Ведь эти *индивидуальные* удары молекул (и скорости индивидуальных молекул) действительно никак не фиксируются, не замечаются на макроуровне, и не имеют своих (*индивидуально-соответствующих* им) коррелятов в мире человеческих ощущений и наблюдений.

Вопрос о характере связи теории и (экспериментальных) законов решался теоретиками по-разному. Один из известных подходов (начало которого принято связывать с именами У.Ювела и Д.Гершеля) усматривал искомую связь между теорией и законами в общей для них *математической* форме. Эти отношения можно назвать дедуктивными или формально-аналогичными. В систематической форме концепцию формальной аналогии развивал Н.Р.Кэмпбелл³.

Например, уравнение теплопроводности Фурье⁴

$$\lambda \left(\frac{\partial^2 \theta}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 \theta}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 \theta}{\partial z^2} \right) = \rho c \frac{\partial \theta}{\partial t}$$

$$i = \frac{V}{R}, \quad [1]$$

$$P = k \frac{T}{V}, \quad [2]$$

$$\textcircled{1} \propto \frac{\textcircled{2}}{\textcircled{3}} \quad [3]$$

делает возможным установить температуру в *любой* точке *любого* материала. Но для каждого вещества это общее (квази-априорное) уравнение – именно благодаря своей *математической форме* – принимает соответствующие конкретные выражения (экспериментальные законы), в зависимости от плотности, удельной теплоемкости конкретного вещества или материала. Эти экспериментальные законы (описывающие теплопроводящие свойства металлов, газов, жидкостей и т. д.) являются *формально-аналогичными*, в том смысле, что все они аналогичным образом дедуктивно выводимы из вышеозначенного «универсального» уравнения или теории.

В этом смысле такого рода законы представляют собой аналогии. С этой точки зрения, *единство* знания действительно вытекает из способности формулировать априорные суждения, организующие эмпирическое знание. На первый взгляд все действительно выглядит так, будто *сходство математической формы* позволяет судить о связях познаваемой реальности. Однако эту, по сути своей кантианскую идею поставил под вопрос К.Гемпель.

Гемпель указал на бессмысленность как минимум некоторых «формальных аналогий», поскольку *схожесть математической формы законов* чаще всего не сопровождается никакими фактическими аналогиями среди соответствующих этим законам наблюдаемых явлений⁵. И действительно закон Ома [1] и закон идеального газа [2] имеют аналогичную формально-математическую структуру [3] Но эта формально-математическая аналогия ничего не дает для понимания сходства «аналогичных» законов. Разве на этом основании мы можем заключить, что оба закона «концептуально интегрированы» в некоторое целое (по аналогии с «концептуальной интеграцией», обеспечиваемым уравнением теплопроводности Фурье). Искать следовало *связь между связями* (или аналогиями) на теоретическом уровне и связями на уровне непосредственных наблюдений.

Мари Хессе придает этой дискуссии новый поворот. Чтобы «спасти» единство познания, предлагалось различать между лишь поверхностными «формально-математическими аналогиями» и фактическими «*материальными аналогиями*»⁶. Согласно Хессе, аналогии (а вместе с ним и вопрос о единстве знания) вытекают вовсе не из формальной структуры теории, а из *принципа причинности*. Разные сферы реальности (например, феномены звука и света) организованы сходным образом, поскольку имеют общую функциональную (т. е. причинно-следственную) структуру. Это предполагало, что теориям надлежит включать в себя такие законы, которые должны быть похожи не столько своей математической формой (формально-аналогичны в смысле Кэмпбелла и Гемпеля), сколько в визуализируемых ими каузальных связях в их теоретических моделях.

Так, если мы рассматриваем теорию распространения звука и теорию распространения света, можно зафиксировать не столько формально-, сколько *каузально-аналогичные* законы. Так, очевидной является аналогия между законом отражения звука (эхо) и законом отражения света (отражение в зеркале); или характерным и для звука, и для света законами уменьшения интенсивности пропорционально дистанции распространения; также громкость звука в каком-то смысле аналогична яркости света; различения в высоте тонов аналогичны различениям цветов; и в целом волновая природа света аналогична волновой природе звуков, распространяющихся как звук в среде (воздухе или воде) или как свет «в эфире» (чтобы под ним не понимать).

Более сложным представлялась связь между законами и фактическими наблюдениями. Законы описывают *воспроизводимые* каузальные взаимодействия, однако законы не доступны непосредственному наблюдению. Ведь наблюдать могут только конкретные причины и следствия. Законы же формулируют обобщения на некотором ненаблюдаемом уровне, устанавливая отношения между переменными некоторой модели, только часть понятий которой можно перевести на язык наблюдений, указав соответствующие явления.

Скажем, такая теоретическая величина, как средняя кинетическая энергия молекул, действительно может интерпретироваться как непосредственно наблюдаемая и ощущаемая и измеряемая ре-

альность – температура. Здесь действительно можно утверждать об отношении *идентичности* ненаблюдаемой теоретической реальности и наблюдаемого чувственно-данного явления. Однако другие переменные модели (в частности, конкретные скорость или импульс конкретной молекулы) – не обнаруживали своего коррелята в наблюдаемом мире.

Причинные связи наблюдаемого и ненаблюдаемого

Ряд теоретиков обратились к другим возможностям соотнести ненаблюдаемую теоретическую реальность и наблюдаемые эмпирические явления. Такое отношение можно интерпретировать каузально, т. к. будто теоретически описываемые микропроцессы причинным образом *порождают* наблюдаемые макроявления. Так, давление, измеряемое и фиксируемое на соразмерном человеческим чувствам макроуровне может пониматься не столько как проявление или *манифестация* микропроцесса (модальное отношение), сколько как его *следствие*, поскольку оно действительно является результатом воздействиями молекул газа на стенки сосуда на микроуровне.

Эти два отношения (между теорией и законами, с одной стороны, и законами и наблюдениями с другой стороны) наглядно можно представить себе следующим образом.

Классическая схема описания иерархии уровней научного знания выглядит так (Normal Campbell. Foundation of Sciences, 1919).

Уровень	Содержание	Примеры
Теоретический уровень	Дедуктивно системы высказываний, связывающий микропараметры (скорость, импульс, массу молекулы) с макропараметрами (давлением, температурой, объемом)	МКТ. Давление – есть результат ударов молекул о стенки (осн.уравнение). $P = 2/3 E_k * N$. Температура – есть мера средней кинет энергии $E_k = 3/2kT$

Уровень законов	Инвариантные связи между научными понятиями (V, T, P, const)	Закон Гей Люсака: PТ, если V – const.
Определение референтов научных понятий	Высказывания, которые приписывают значения научным понятиям	«V = 60 литров», «T = 273 K», «P = 2 Atm.
Первичные экспериментальные данные	Утверждения об указателях приборов	«Стрелка прибора указывает на 20»

Но мы позволим себе использовать более простую схему, сведенную к двум уровням – ненаблюдаемому уровню теоретических описаний и уровню наблюдаемых коррелятов этих описаний.

Упрощенное двухуровневое представление связи ненаблюдаемого теоретического уровня и уровня наблюдений выглядит так:

Эта схема наглядно показывает, что изменение некоторого теоретически постулируемого и непосредственно ненаблюдаемого параметра (в данном примере средний рост скоростей молекул, импульсов

и как следствие возрастание средней кинетической энергии молекул причинным образом генерирует изменение другого теоретически постулируемого и непосредственно ненаблюдаемого параметра (числа ударов о стенку) Эта верхняя горизонтальная связь, очевидно, является каузальной: чем выше скорость, тем больше ударов.

На нижнем, экспериментальном и наблюдаемом уровне мы фиксируем горизонтальную связь между величинами температуры и давления. Эта связь (до привлечения в качестве объяснения молекулярно-кинетической теории) выглядит обычной временной регулярностью в смысле Юма. Ее причинное объяснение возможно только через редукцию к некоторому теоретическому, глубинному, непосредственно ненаблюдаемому уровню. В конечном счете, такая редукция к глубинным и теоретическим причинным связям делает возможным причинное объяснение на уровне наблюдаемых феноменов.

Этот небольшой (и существенно упрощенный) экскурс в структуру естественнонаучного знания позволяет нам предложить несколько выводов о характере связи ненаблюдаемого (теоретического) и экспериментального (наблюдаемого) уровней в естествознании и сравнить его различием теории и подтверждающих ее наблюдений в социальной теории.

Некоторые важные черты организации естественнонаучного знания:

1. Ненаблюдаемые и теоретически описываемые явления могут иметь свой наблюдаемый коррелят (таково отношение средней кинетической энергии – температуры). Вопрос состоит лишь в характере связи с такого рода коррелятом.

2. Это отношение может быть *причинным* (экспериментально измеряемое давление является фактическим следствием ударов молекул).

3. Это отношение может быть *модальным* (в случае, если наблюдаемое есть не следствие, а форма проявления или *модусом существования* ненаблюдаемого. Температура – это способ представления ненаблюдаемых феноменов (скоростей, импульсов молекул).

4. Отношение между зависимостями на ненаблюдаемым и наблюдаемом уровнях может описываться как формально-математическое (модальное – П.Дюгем, Н.Р.Кэмпбелл) или как причинное (функциональное или материальное – М.Хессе, Р.Харре).

(Не)наблюдаемое в социальной теории

Возникает вопрос: как отражает социальная теория соотношение наблюдаемых и ненаблюдаемых (теоретических) уровней анализа? И является ли общество, его состояния и проявления, ненаблюдаемыми коррелятами теоретического описания – в том же смысле, как это имеет место в естественнонаучной теории, когда у индивидуальных скоростей молекул газа, хотя таковая переменная присутствует в теории, отсутствуют наблюдаемые корреляты?

И действительно, социальная теория сталкивается с подобным обстоятельством, поскольку нет никакой возможности непосредственно измерить главный параметр социального состояния: интеграцию, сплоченность или солидарность общества в его сколько-нибудь широком представлении. (Никто не будет спорить, что групповая сплоченность может описываться и измеряться⁷.) Можно наблюдать степень сплоченности отдельных групп, а о сплоченности общества в целом можно судить исключительно по косвенным данным. Например, по сравнительной частоте аномии (суицидов, криминальных актов, эмиграции – Э.Дюркгейм) в данном обществе в сравнении с его прежним состоянием, или же в особенности по реакциям на представителей чуждых сообществ⁸).

Такие косвенные методы фиксации явным образом ненаблюдаемых состояний приводит социальную теорию к недопустимым (по крайней мере, в классических формах теоретизирования) утверждениям. Так, возникает эффект двойной детерминации в объяснении общественных явлений. Ведь каждое проявление аномии (суицид, эмиграция, преступление⁹) получает в качестве причинного объяснения помимо непосредственно предшествующего события (действия или разочарования) некоторое дополнительное и в этом смысле избыточное причинное объяснение – состояние недостаточной социальной сплоченности, сделавшее возможным этот конкретный акт. Итак, приходится констатировать, что наблюдать общество (как бы его ни понимать) приходится исключительно по его эффектам, в то время как само оно, как конкретный пространственно-временной объект, ускользает от наблюдения. Рассмотрим более детально возможности пространственно-временной фиксации общества.

Ненаблюдаемость и историчность

Есть и другие основания усомниться в возможности наблюдения общества как такового. Такой исключительно теоретический характер объекта-общества вытекает из его *историчности*.

Социальные теоретики не сразу осознали необходимость сформулировать условия возможности существования общества, условия возможности сохранения социального порядка. Это было связано, прежде всего, с тем, что, в отличие от гипотетических теоретических объектов (атомов, молекул, генов и т. д.), применительно к объекту-обществу не нужно было задумываться о том, где и когда оно имеет место. Ведь общество последнее всегда находится перед глазами как некий очевидный, наглядный, полностью определенный и ограниченный объект – как племена, государства, с интуитивно понятными *пространственно-временными* характеристиками – границами и датами смерти. Общества в этом смысле представляли аналогами биологических организмов, могли рождаться и умирать. Социальное состояние определялось политическими границами в пространстве, а прекращение социального состояния во времени (или смерть) являлось следствием завоеваний. Так исчезли государства Урарту и Шумер.

Однако начиная с XX в. теоретики задумываться над условиями сохранения и исчезновения общества. Исчезает изначально данный и структурированный, а главное – *внешний* для наблюдателя объект, о смерти и границах которого нужно судить, находясь за его пределами – на позициях внешних наблюдателей. В условиях нового – мирового – общества (ставшего возможным вследствие общедоступности средств коммуникаций) о смерти и жизни общества, т. е. о прекращении коммуникаций, стало возможным судить только в рамках коммуникаций. Возникает парадоксальная ситуации. Обществу, как множеству всех возможных коммуникаций, приходится словно изнутри судить о своем собственном возникновении или смерти. О том, сохраняется ли и воспроизводится прежнее общество или коммуникации приобрели принципиально и качественно иной характер, а значит, одно общество сменилось на другое, может судить лишь само общество, т. е., используя эту устаревшую организмическую метафору, можно сказать: обще-

ство само решает, *живо* оно или уже нет. Любое утверждение о характере (прекращении, смене, модернизации) коммуникаций и само будет коммуникацией.

Это общее замечание о характере наблюдений социальных состояний следует конкретизировать.

Три попытки связать уровни социального познания

Как же решить проблему связи ненаблюдаемого макроуровня и наглядного, эмпирически фиксируемого микроуровня – уровня конкретных действий и коммуникаций? На мой взгляд, было принято как минимум три *систематических* попытки установить связи теоретического знания и подтверждающих его наблюдений. Речь идет о неоутилитаристском (М.Вебер, Дж. Коулман), функционалистском (Т.Парсонс), коммуникативистском (Луман) подходах к построению социальной теории.

Гипотеза Вебера состояла в том, что некоторая теоретическая переменная (в данном случае система религиозных действий и ожиданий, предписаний, некоторая культурная система образцов поведения, проявлениями которой служили религиозные предписания и установки в протестантизме) описывала некоторый непосредственно ненаблюдаемый феномен (религия как социальная макросистема), который причинным образом порождает другой ненаблюдаемый макрофеномен – капитализм (система идеальных действий, образцов поведения, направленная на накопление капиталов и монетизацию собственности с целью дальнейшего приобретения собственности).

Оба эти каузально-сопряженные феномена, очевидно, как таковые недоступны непосредственному наблюдению. Ведь наблюдать (т. е. фиксироваться в пространстве и времени посредством органов чувств) могут лишь конкретные действия людей, где у каждого действия, как у конкретного события, наличествует собственная причина – некоторое непосредственно предшествующее событие (например, предыдущее действие или психическое желание совершить действие).

Как же в этом случае объяснить, что у некоторого данного действия есть и некоторая дополнительная, «высшая» причина, например, протестантизм как социальная система религиозных уста-

новок и предписаний? Ведь постулирование такой избыточной причины, как и в случае вышеозначенного подхода Дюркгейма, нарушает принцип закрытости физической картины, предполагает сверх-детерминизм?

Для решения этой проблемы Дж. Коулман предложил следующую интерпретацию этой Веберовской гипотезы.

Как протестантизм причинным образом порождает капитализм?

Макрофеноменальный ((теоретический) уровень социальных систем

Микрофеноменальный (наблюдательный) уровень социальных действий

Итак,

1) протестантизм (культурно-религиозный макрофеномен) интернализуется (в свою очередь, *каузально*, т. е. посредством чтения религиозных трудов, школьного и семейного воспитания) в сознании или психике некоторого актора, превращаясь в некоторую ценность (предрасположенность действовать определенным образом, психическую установку, желание или потребность в аскетической жизнедеятельности, получившую название «внутримировой аскезы»);

2) эта психическая установка *причинным* образом вызывает к жизни экономическое действие: производство и продажу товара, с последующим накоплением денег, не растрачиваемых на внеэкономические нужды (поскольку это противоречило бы установкам аскезы);

3) эти экономические действия ведут к аккумуляции некоторого массива аналогичных экономических действий, где одно экономическое действие (продажа), ориентированное на накопление капитала (и последующие покупки), предполагает другое экономическое действие покупки, сходным образом, ориентированное на накопление капитала, т. е. денег, а не собственности;

4) в конечном счете, причинно-следственные связи мотиваций и действий на микроуровне (причинная связь аскетических установок и накопительных действий) объясняют (первоначально *неявную!*) каузальную связь на макроуровне: причинно-следственную связь протестантизма и генезиса рынка товаров, капитала и труда (т. е. капитализм).

В подходе Дж. Коулмана действительно снимается дилемма *эмперджентизма/редукционизма*. Ведь здесь эмпирически доступный наблюдению уровень действий и переживаний рождает макроэффекты. И напротив, недоступные непосредственному наблюдению макрофеномены (макросистемы) причинным образом порождают микропроцессы. Причем эффекта порочного круга (как и двойной детерминации) не возникает, поскольку возникает цепь качественно различающихся разноуровневых, но каузально связанных феноменов и процессов. Эффект сверхдетерминации отсутствует, поскольку каждое конкретное следствие предполагает конкретную причину, а феномены макроуровня (протестантизм и капитализм) каузально связаны между собой, поскольку явления микромира (действия и переживания) в свою очередь образуют каузальные связи.

(Не)наблюдаемое в структурном функционализме

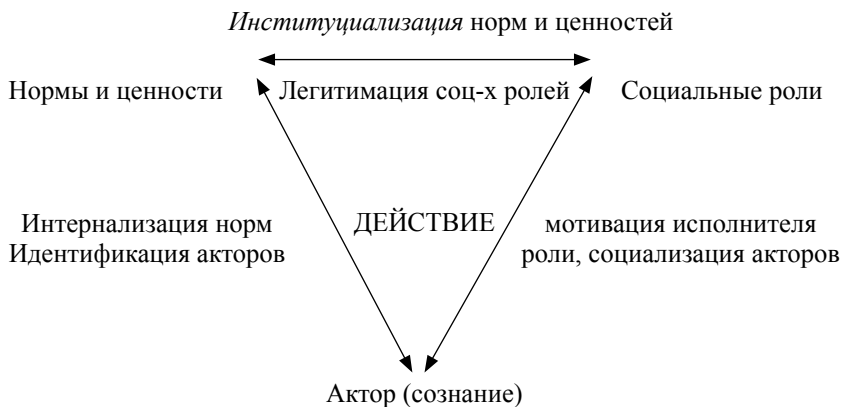
Структурный функционализм в свою очередь требовал установления связи между теорией действия (микросоциологический уровень объяснения поведения) и теорией социального порядка

(уровень макросистем). Существо функционалистского подхода к анализу двух уровней описания социальной реальности (наблюдаемого и теоретического) представало в виде связи действия (уровень наблюдения) и двух условий его возможностей: социальных измерений:

- 1) институциализации норм и ценностей посредством социальных ролей;
- 2) легитимации социальных ролей посредством норм и ценностей.

Микросоциологический уровень анализа

Теория действия, как главной единицы анализа и одновременно – элемента социальной жизни, может схематизироваться следующим образом:

Итак, чтобы действие – микрофеномен – имел место, должны быть осуществлены предпосылки – запущены непосредственно-ненаблюдаемые макропроцессы легитимации социальных ролей и институциализации норм и ценностей. Анализ системы действия для наблюдаемого феномена задает ненаблюдаемые измерения (институциализации, легитимации). Причем эти измерения или теоретические переменные, будучи описаниями «причин» конкретных действий, одновременно описывают уже не само действие, а социальный порядок – т. е. макроструктуру общества.

Маркосоциологический уровень анализа

На уровне социальных макросистем или процессов описываются условия возможности (функции) социального действия, под которыми понимаются четыре фундаментальных процесса – адаптации к внешней природе, целедостижения, воспроизводства нерелексивных стандартов (например, грамматика, правила этикета и т. д.) ролевого поведения и само ролевое поведение, в котором все эти функции и интегрируются в единство.

Латентные ориентиры действий

Интеграция

Попечительство (коммуникация посредством апелляции к ценностям и нормам)	Общностные связи посредством <i>влияния</i>
Экономика (обмен действиями-транзакциями посредством <i>денег</i>)	Политика (обмен действиями-решениями посредством <i>власти</i>)

Адаптация

Целереализация

Очевидно, что теория социальных макросистем имеет своим референтом не фактически наблюдаемое действие (микрообъект анализа), а коммуникации – т. е. некоторый обмен действиями или, скорее, правила такого обмена, которые как таковые никак не присутствуют в обозримой и доступной наблюдению форме, являются дефинитивно-латентными. Но именно благодаря этим ненаблюдаемым установкам со стороны макросистем действия получают свою конкретную специфику – специализируются по функциям социальной системы: приспособления (экономические действия), целереализации (политика), интеграции (сообщества людей), воспроизводство стандартов (норм и ценностей в воспитании, образовании, право).

Полнота и непротиворечивость функционализма, ad hoc-теория эталонных переменных

Принято считать, что Парсонс не мог связать анализ макросистем с микросоциологическим анализом конкретного действия, управляемым или каузально связанным с конкретной мотивацией. Четыре типа абстрактных символических медиа и по совместительству эффекты макропроцессов, а именно, *деньги, власть, влияние и приверженность ценностям*, не охватывали все действия, все многообразие доступных наблюдению деятельностной реальности. В каком-то смысле это теоретическое описание действительно выглядело непротиворечивым, поскольку всякая системная коммуникация выводилась из некоторого единого условия – ориентации на соответствующее символический медиа (деньги, власть, влияние, ценности), делающих возможным и вероятным общение. Но это описание очевидно является неполным, в частности, не описывало домодерные формы общения и поведения. Новые возможности связать наблюдаемую реальность и ее теоретическую модель были открыты в новом теоретическом подходе. Эта теория, наконец, исходя из ограниченного числа теоретических «эталонных» переменных описать многообразные формы поведения, включая переходные типы обществ.

Диахронный срез связи теория и наблюдений

Теория четырех функций социальных макросистем, как уже сказано, не описывала исторические различия и специфичность конкретных действий, как и их генезис. Теоретические переменные (функции AGIL) давали возможность выявить эмпирическое многообразие наблюдаемых и специализированных действий. Эта теория выдерживает тест на law-likeness. Парсонсу пришлось изобрести ad hoc-теорию эталонных переменных действия, лишь слабо связанную с его четырьмя фундаментальными функциями, но в качестве компенсации допускающей представление самых разнообразных форм эмпирической реальности, в каком-то смысле даже более многообразные, нежели фактические наблюдения. Итак, все возможное поведение может ориентироваться на следующие альтернативы.

– *Аффективность (0) / аффективная нейтральность (1)*. Действие (бюрократа) может быть нейтральным в отношении к Другому, но в домодерном обществе действие предполагали чувства и аффекты.

– *Самоориентация (0) / коллективизм (1)*. Действия актора осуществляются в личных или коллективных интересах.

– *Универсализм (0) / партикуляризм (1)*. В отношении действий одних Актор относится равно, в отношении действий других (собственного клана, единомышленников) равнее.

– *Родовые (приписываемые) свойства (0) / достижения (1)*. Оценивать действия других можно исходя из врожденных свойств (происхождение, красота), а можно – из личных достижений, личного успеха партнера.

– *Диффузность (0) / специфичность (1)*. Роли могут быть специфичными (действия продавца), а могут быть диффузными (действия отца).

Означенные эталонные теоретические ориентиры действия задают возможные рамки эмпирического наблюдения 32-х возможных обществ. Эти пять теоретических переменных определяют некоторый реестр конкретных теоретически возможных способов или ориентаций действий от (0,0,0,0,0) до (1,1,1,1,1) по каждому из эталонов. В каждой из пар альтернатив первая ориентирована на исключительно традиционные признаки (аффективное, коллективистское, партикуляристское, аскрипционное, диффузное), второе же характеризует общество модерное (нейтральное, самоориентированное, универсалистское, ориентированное на успех, специализированное). Все остальные действия и результирующие массивы действий (общества) являются переходными. Исследователю остается лишь «выйти в поле» и определить, с каким из конкретных реализаций или манифестаций теоретически возможных обществ он имеет дело, к примеру, с обществом 01010 или все-таки с обществом 01011? Очевидно и то, что некоторые логически-возможные комбинации переменных могут не актуализироваться в эмпирической реальности.

Итак, достоинство функционалистской теории состояло в ее «экономичной» связи теоретического и эмпирического уровней. Небольшого числа теоретических переменных и оказывалось до-

статочным для описания большого числа эмпирических следствий или фактических наблюдений. Недостаток этой *ad hoc* теории в том, что она оказалась концептуально неинтегрирована с другими: прежде всего, с теорией социальных систем, их функций и символических медиа.

Вместо заключения. Системно-коммуникативный подход в иерархизации уровней социальной теории

Своеобразный способ связать уровень теоретический описания коммуникативных макросистем и эмпирический микросоциологии предложил Никлас Луман (Niklas Luhmann. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. 1996). Базисное утверждение состояло в том, что на уровне анализа конкретного действия практически любая ситуация описывается всего лишь двумя переменными: дистинкцией *действия/переживания* и дистинкцией *Эго/Другого*.

Действие/переживание.

Очевидно, что социальное действие (как самостоятельный и абстрактный объект анализа, рассматриваемый как бы безотносительно к тому, кто его совершает) само по себе лишено способности воспринимать окружающий мир. Но для того, чтобы оно состоялось, должно быть тем или иным образом «учтено» состояние *внешнего* по отношению к действию предметного мира. За эту функцию отвечает (дополнительная и внешняя по отношению к действию) способность сознания – воспринимать, переживать и желать.

Эго/Другой.

С другой стороны, любое социальное действие не осуществляется вне наличия хотя бы двух коммуницирующих друг с другом людей, один из которых (Эго) своими действиями (и переживаниями сознания) специфическим образом реагирует на действия (и переживания сознания) некоторого Другого.

Две вышеуказанных теоретических переменных любого общения (Эго/Другой и действие/переживание), описывающие возможности коммуникации на микро-уровне анализа задают номенклатуру ключевых типов коммуникации, средств-символов и

мотиваций, и как следствие типов макросистем коммуникаций – на ненаблюдаемом теоретическом уровне описания макросистем коммуникаций.

	Эго переживает	Эго действует
Другой переживает	<p>Истина и Ценности</p> <p>В науке переживания Эго (например, данные экспериментов, удостоверяющих истинность теоретических положений) должны подтверждаться переживаниями любого Другого.</p> <p>Ценности должны удостоверить общность чувств членов сообщества.</p>	<p>Любовь</p> <p>Эго своими действиями пытается вызвать переживания Другого.</p>
Другой действует	<p>Деньги-Собственность, Искусство</p> <p>Действия Другого (скажем, притязания на материальные блага) не вызывают ответных действий, а спокойно переживаются Эго, поскольку Другой имеет право собственности или платит.</p> <p>Художник действует, а зритель переживает.</p>	<p>Власть</p> <p>Действия Другого влекут действия Эго, если они регулируются властью. Личные переживания должны быть устранены из сферы политической и военной коммуникации.</p>

Эта схема позволяет вернуться к классическому пониманию организации научного знания, свойственному для развитых (физических) теорий. На микроуровне (уровне переживания Другого) постулируются ненаблюдаемая, но лишь теоретически-полагаемая реальность – скрытое от наблюдателей человеческое сознание, которому вменяются набор гипотетических установок и мотиваций. Комбинации переживание/действие с другой теоре-

тической переменной Это/Другого позволяет сконструировать все возможные (и фактически наблюдаемые коммуникации современного общества). Связь теории и подтверждающих теорию наблюдений является наиболее экономичной (малое число переменных делает возможным широкий наблюдательный обзор).

Примечания

- ¹ Людвиг фон Бергаланфи в общей теории систем впервые систематически представляет эмерджентистский подход.
- ² Дюгем П. Физическая теория. Её цель и строение / Пер. с фр. М., 2007.
- ³ *Campbell N.R. Foundations of Science. N.Y., 1957.*
- ⁴ θ – абсолютная температура, λ – теплопроводность материала, ρ – плотность материала, c – удельная теплоемкость материала, t время, and x, y, z – пространственные координаты точки на бесконечно длинном фрагменте материала.
- ⁵ *Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. N.Y., 1965.*
- ⁶ *Hesse M. Models and Analogies in Science. P., 1966.*
- ⁷ Характерный пример исследования групповой сплоченности см.: *Бараиш Р.Э. Нормативные и социальные предпосылки реализации политики мультикультурализма в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 6(112). Ноябрь.–дек. С. 5–15.*
- ⁸ *Бараиш Р.Э. Фигура Другого как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 1(107). Янв.–февр.*
- ⁹ Эти действия безусловно локализованы в некотором локальном пространстве времени, т. е. вызваны каким-то непосредственными причинами (конкретными разорением, разочарованием, нервным потрясением). Но поскольку они предполагают выход за пределы локального пространства (эмиграция) и индивидуального времени (суициды), допустимо рассматривать их как каузальные следствия макро-факторов, а именно, изменившейся степени сплоченности данного сообщества. Для этого, безусловно, следовало бы указывать не на сами действия (ведь последние – результат иных, предшествующих обстоятельств), а на меняющуюся статистику, на удельную частоту данных событий в разные эпохи). Скажем, разочарование способно повлечь суицид независимо от специфики исторической эпохи (= того или иного уровня солидарного состояния общества в целом), однако удельная частота суицидов в разные эпохи указывает на различающиеся состояния таковой солидарности и интегрированности сообществ. Общество (как социальные связи больших масштабов), таким образом, допускает не прямое наблюдение. Линия Дюркгейма формирует традицию исследования макрофеноменов. Напротив, анализ микрофеноменов стал основным для другой линии теоретической социологии – понимающей социологии.

References (transliteration)

Barash, R.E. Normative and Social Prerequisites of Implementation of Policy of Multiculturalism in Russia // MONITORING OF PUBLIC OPINION: Economic and Social Changes. 2012. № 6(112). P. 5–15.

Barash R.E. The figure of the “other” as a considerable component of the mass consciousness of the Russian society // MONITORING OF PUBLIC OPINION: Economic and Social Changes. 2012. № 1(107). P. 90–99.

Duhem P. La théorie physique son objet et sa structure. Paris, 1906.

Campbell N.R. Foundations of Science. N.Y.: Dover Publ., 1957.

Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. N.Y.: Free Press, 1965.

Hesse M. Models and Analogies in Science. Univ. of Notre Dame Press, 1966.